

УРОКИ ВТОРОГО ВСЕРОССИЙСКОГО КОНГРЕССА ФОЛЬКЛОРИСТОВ

С 1 по 6 февраля в Москве состоялся Второй всероссийский конгресс фольклористов. В нем приняло участие свыше 500 человек, которые приехали практически из всех регионов России, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья — Украины, Белоруссии, Абхазии, Эстонии, Франции, Канады, Италии, Испании, Японии, Болгарии, Польши, Сербии, Словакии. Открытие состоялось в Центральном доме ученых, работа секций, круглых столов, дискуссионных клубов прошла в подмосковном пансионате «Ершово».

В настоящем разделе вниманию читателей предлагается интервью с генеральным директором Государственного республиканского центра русского фольклора А. С. Каргиным и отклики четырех участников Конгресса — Е. Бартминьского (Польша), Т. Б. Диановой (Россия), З. Д. Джапуа (Абхазия), А. А. Пригарина, И. М. Фучило-Коваль (Украина), в которых осмысляются итоги состоявшегося форума. Приглашаем читателей продолжить этот разговор в следующих номерах научного альманаха.

ИНТЕРВЬЮ С ГЕНЕРАЛЬНЫМ ДИРЕКТОРОМ ГРЦРФ А. С. КАРГИНЫМ

Уважаемый Анатолий Степанович! Прошло уже более двух месяцев после завершения Конгресса российских фольклористов. Со временем он станет далекой историей, как стал историей Первый конгресс. Но пока еще свежи впечатления, позвольте задать Вам несколько вопросов по его итогам.

— Что Вы ожидали от Конгресса и насколько оправдались эти ожидания?

Безусловно, конгресс, проводимый раз в четыре года, всегда настраивает на очень высокую планку ожиданий, потому что четыре года — немалый срок для жизни в целом, и страны, и общества, а тем более для науки и культуры, в которых происходят очень большие изменения. Естественно, когда к чему-то долго готовишься, срабатывает

психологический фактор завышенного ожидания. Оно, конечно, не всегда оправдывается. Если подходить к Конгрессу с точки зрения науки или культурной практики, то здесь могут быть результаты в оценочном плане очень и очень разные. За последние четыре года со времени Первого конгресса практика фольклорного движения в стране очень бурно развивалась. О качестве и направлении этого движения можно говорить отдельно, можно говорить с придыханием, можно говорить очень критично, можно говорить, я бы сказал даже, истерично и саркастично. Все зависит от того, как оценивать и как понимать фольклор, традиционную культуру, декоративно-прикладное искусство. А в этих дефинициях давно уже все запутались. Их такое количество, что сегодня нормальному человеку очень сложно понять, что такое фольклор с точки зрения, допустим, исследователя, а что — в представлениях руководителя художественного коллектива, педагога школы. Почему? Да потому что наука от практики так же далека, как это

было и двадцать лет назад, и тридцать лет назад... Наука занимается своими вопросами, своими проблемами, порой весьма актуальными. А практика — своими, идя опытным путем, часто наивно, иногда с использованием тех или иных научных наработок, не всегда даже фольклористики, а в том числе и педагогики, и психологии, и искусствоведения, и этнологии, и других отраслей знания, которые, так или иначе, занимаются традиционной культурой.

Практика ведь всегда включала в себя и процесс подготовки кадров, и методику организации фольклорного движения в любой сфере (будь то декоративно-прикладное искусство, будь то музыкальный ансамбль), а также технологии и инструментарий. Ведь сегодня без хорошего инструментария, скажем, тех же муфельных печей, музыкальных инструментов (гармоник, окарин, жалеек, брёлков и десятка других), костюмов, одежды, обуви невозможно заниматься народным искусством.

Что касается науки, то здесь другие критерии, другие требования. Мы как организаторы Конгресса в первую очередь делали упор на научную часть, на научную составляющую этого мероприятия, поскольку без науки сегодня не решить многих прежних проблем. Именно поэтому основная часть приглашенных — это люди так или иначе связанные с научными исследованиями, многие из которых не имеют никакого отношения к практике современного фольклорного движения. Я бы даже сказал жестче — не принимают ее, оценивают очень негативно, не считая за явление фольклорное по сути. Для такого вывода у них есть «свои» основания — на сегодняшний день сложились десятки определений, так сказать, «нового фольклора», которые как бы дистанцируют его от фольклора прежнего (архаичного, классического и т. д.).

Эти ножницы между теорией и практикой я не могу оценивать позитивно, поскольку я все-таки сторонник тесного взаимодействия. Ни наука без практики, ни практика без науки, на

мой взгляд, не могут развиваться нормально.

Объединить их, помочь более тесному взаимодействию, наладить диалог между ними, чтобы они, если уж не сотрудились, то, по крайней мере, помогали друг другу, или даже хотя бы не мешали — вот такой была сверхзадача, сверхцель Второго конгресса. И поэтому мы на него пригласили не только ученых (их было, конечно, подавляющее большинство), но и людей, которые занимаются практическими вещами, пытаясь сделать народную культуру явлением актуальным для нашей жизни, для нашего социума, для тех процессов, которые происходят сегодня в духовной сфере нашей страны и, конечно, в первую очередь среди молодежи.

Насколько оправдалось задуманное? Мне кажется, сказать, что полностью оправдалось, конечно, нельзя. Но сделан очередной очень важный шаг к наведению мостов между наукой и практикой, по крайней мере, к их адекватному восприятию друг друга. И надо искать пути усиления этой взаимосвязи, дальнейшего взаимовлияния, потому что, как показывает опыт других научных дисциплин (в том числе педагогики, психологии, социологии), сегодня проблема соединения теории и хорошей, так сказать, «онаученной» практики — это актуальнейшая проблема для нашей страны в целом, для всех сфер нашей жизни, не только социальной, культурной и образования, но и для промышленности, сельского хозяйства и т. д.

Я думаю, что мы здесь находимся в русле тех поисков, которые определены рядом постановлений в области культуры как российского правительства, так и законодательных собраний, губернаторов российских регионов.

— С какими трудностями столкнулся Центр при подготовке к Конгрессу?

Трудности были, и немалые. Первая, здесь я возвращаюсь к началу нашего разговора, — это нежелание представи-

телей теоретической и практической фольклористики взаимодействовать. Были попытки их развести — сделать одно мероприятие для науки, второе — для практики. Преодолеть тенденцию — основная трудность. Скажу больше: при непосредственной реализации проекта нам не удалось, мне не удалось, преодолеть это сопротивление, в том числе и наших сотрудников, которые, допустим, организовали 13 научно-теоретических секций и лишь одну — по образованию, одну — по учреждениям культуры. Подобный дисбаланс сам по себе говорит о взаимоотношениях науки и практики. Даже большинство круглых столов и дискуссионных клубов прошли по вопросам теории. Подавляющая часть мероприятий Конгресса была посвящена более научной проблематике, теоретическим исследованиям и теоретическому осмыслению классического фольклора, нежели осмыслению практики современных фольклорных процессов и народной культуры.

Вторая, не менее большая, трудность: оказалось, что организовать москвичей, составляющих сегодня основное ядро фольклористики сложнее, чем представителей регионов, которые с величайшим воодушевлением, другого слова я не могу подобрать, приняли наше приглашение, приняли саму идею проведения Конгресса и участия в нем. И это на фоне их менее благоприятного финансового положения. Но они приехали большими делегациями, практически вся Россия, особенно Сибирь и Дальний Восток были представлены очень хорошо! Значительно хуже, особенно практиками, была представлена Москва. Здесь сказываются содержательные «разночтения» многих общественных, любительских, государственных и профессиональных структур, которые олицетворяют то или иное фольклорное направление. Они как бы смотрят на происходящее с позиции «упадешь — не упадешь». Упадешь, помогут... побольше уронить. Не упадешь — значит «повезло», будем ждать следующей «попытки»...

Третья проблема, с которой мы не можем справиться уже который раз, это, я бы сказал, заинтересованность, точнее — незаинтересованность ученых, особенно москвичей, в работах своих коллег из других регионов: приезжают на конгресс, конференцию, читают свой доклад и больше не считают нужным никого слушать, исчезают с мероприятия, исчезают вообще из поля зрения. Это мы видели и в Ершово. Казалось бы, вопрос научно-этический, но на самом деле он научно-содержательный. Сейчас много интересного происходит в регионах! Хотя бы даже для себя надо знать, что делается в Сибири и на Дальнем Востоке — в Омске, Томске, Новосибирске, Красноярске, Владивостоке, Якутске, Ханты-Мансийске и десятке других городов, я уж не говорю о юге России. Какие интересные люди там работают, сложились школы, центры, структуры. Сформировалась какая-то столичная фанатерия: дескать, что им до нас, далеко еще, они якобы не доросли. Это проблема, которую, как я уже сказал, не только на Конгрессе, но и на многих московских конференциях не удастся пока решить.

Были трудности и с финансированием. Не отсутствие финансов, а то, что деньги приходят с очень большим опозданием. И поэтому, чтобы провести Конгресс в намеченный срок пришлось изощряться в поисках «актуальных» финансов. Помог журнал «Народное творчество» и Ассоциация государственных народных хоров и ансамблей. Я не буду открывать здесь всех секретов, всех тонкостей, но проблема, безусловно, была.

— *Какие открытия принес Вам Конгресс?*

Наверное, одна из самых фундаментальных целей Конгресса — это выявление разнообразия точек зрения на современную фольклорную ситуацию. Опубликованные четыре тома материалов Первого конгресса по своей значимости, особенно первые два, где затрагиваются общие проблемы фольк-

лора в социуме, на мой взгляд, будут актуальны еще лет двадцать — двадцать пять. Там были изложены подходы разных специалистов не только к самому понятию фольклора, но и к роли науки в осмыслении фольклорных явлений, и современных, и ультрасовременных, и классических. Подобное мы попытались сделать и ко Второму конгрессу. Но тут, на мой взгляд, обнаружилась ошибочность такого подхода. Для науки четыре года — срок небольшой. И когда мы в прошлом году готовили том «От конгресса к конгрессу» ко второму форуму, то столкнулись с тем, что многим авторам, к которым мы обратились, в принципе писать было пока нечего. И хотя мы сделали все-таки сборник, нашли какие-то новые повороты, новые подходы, но нам не удалось получить примерно половины заказанных докладов. Материалы, изданные ко Второму конгрессу, подтверждают многие положения четырехлетней давности. Это — с одной стороны, а с другой стороны, мне кажется, в фольклористике наметилась тенденция к смене поколений, к смене трактовки фольклорных явлений.

Думаю, что будущее фольклора, конечно, связано с такими дисциплинами, как социология, культурология, эстетика, психология, так как сегодня все понимают, что есть научное осмысление практики, а есть как бы социальное осмысление практики ею же самой. И здесь нужен другой инструментарий. Классическая фольклористика занимается своим предметом, делая это четко, структурированно, но она не может ответить на вопросы, как функционирует текст фольклора в том или ином социуме, насколько актуален тот или иной текст для какой-либо конкретной социальной группы, как фольклорный текст осуществляет информационную связь между социальными группами и поколениями, каков путь включения вчерашнего текста в день сегодняшней и т. д.

Мы не можем забывать о том, что в современном фольклорном процессе происходят очень бурные изменения, связанные с технологическими пара-

метрами его функционирования. Дело уже не только в газетах, радио и телевидении, но и в Интернете.

Я очень боюсь того, что мы упустим момент первичного зарождения, эмбрионального состояния этого явления. Самое интересное — именно в эмбрионе. Откуда он появился, зародился и как начал развиваться. А через пятнадцать-двадцать лет скажем: «Да, не учли, не записали», — как это было уже не раз. Вот представьте себе на минуту, что Гильфердинг, Листопадов и еще несколько других собирателей не записали былины на Русском Севере и на Юге. И что мы бы имели сегодня в плане текстов русского былинного эпоса? Ничего. А вся история их записей всего четверть века! А история с частушкой, с жестоким романсом? Почти тоже самое. Мы очень мало записываем сегодня городской фольклор.

Поэтому сегодня, на мой взгляд, одно из приоритетных направлений фольклористики — сбор материала независимо ни от каких критериев, которые устанавливаются изначально: это хорошо, а это плохо, вот это нужно, а это не нужно, это фольклор, это не фольклор. Нужно тотально собирать тексты везде, в том числе и в Интернете, потому что не будет текстов, изучать будет нечего.

На Конгрессе, кстати, было очень много докладов по Интернету, по современному фольклору. Вы, конечно, знаете, что за два последних года Центр издал два сборника по интернет-фольклору. Они все раскуплены! Это говорит о чем? О том, что тема интересна и актуальна.

Я вообще думаю, что лет эдак через десяток фольклором будет объявлен брейкданс, другие подобные молодежные штучки! На Арбате неоднократно видел группы молодежи, танцующие в этом стиле. Интересно все — как они одеваются, как общаются между собой, как воспринимают это окружающие. Будет ли это хореографический фольклор или физический какой-то, не знаю, но это будет фольклором!

Брейкданс уже исполняют в концертах Н. Бабакиной в сопровождении русской песни. Как современник, я чувствую это движение неформальной культуры, культуры повседневной, и, думаю, это еще раз подтвердит точку зрения, что фольклор — это не текст.

Фольклор — это тип культурного самосознания. А в чем оно выражается, в каких артефактах, текстах — вторично. Это может быть былина, частушка, песня, сказка, брейкданс, надпись на стене — все, что угодно. Никто не поспорит, что у того человека, который учился в элитной музыкальной школе, обучался в консерватории, в сознании превалирует тип высокой профессиональной культуры, но и он остается носителем фольклора. Ведь он такой же человек, как и все. Обязательно бывает момент в его жизни, когда он и поет, и пляшет, и гуляет, и скрипка ему абсолютно не нужна. Почему необходимы социально-психологические исследования фольклора? Потому что фольклор — это форма проявления самосознания, через частушку, через анекдот, детскую песенку, загадку.

— *Каковы уроки Конгресса для Вас как для организатора?*

Главный урок Конгресса заключается в том, что проводить его надо! Будем ли это делать мы, другие или третьи, но фольклористы обязательно должны собираться раз в четыре года. За это время многое происходит в жизни — уходят одни, приходят молодые. Жизнь движется. Наш Конгресс, на мой взгляд, важен для формирования единства в сообществе людей, профессионально занимающихся фольклором. Все-таки многие просто увидели друг друга первый раз, у молодежи была возможность узнать в лицо «классиков», по книгам которых они учились — Аникин, Гацак, Азбелев... Это настоящие светила! А тут все они рядом. Вот это первый урок.

Второй: на мой взгляд, на следующем конгрессе должен быть паритет участников — научных и практиче-

ских работников. Науке нужно сделать разворот в сторону практики. Руководители художественных коллективов, педагоги, творческие работники клубов исследователями никогда не станут — так построена жизнь. Но их надо учить, если они в институтах, в училищах не получили должных знаний. Это второй урок, который я вынес из прошедшего Конгресса.

Третий урок, я думаю, конечно, в том, что нужно искать более дифференцированные способы оплаты участия людей в конгрессе. Потому что все, что дается бесплатно, люди порой ценят не очень высоко. Такова уж психология человека! Нам надо более внимательно подходить к вопросу о приглашении участников, надо выполнять социальный заказ: эти должны подготовить доклады для практиков, эти — для науки. Пусть таких будет сто, сто пятьдесят. Остальные могут приехать или не приехать. К сожалению, оказалось, что чужие деньги не ценятся. Многие из участников уехали досрочно, не дожидаясь завершения, причем, что называется молча, а ведь их пребывание на Конгрессе было оплачено по полной программе. Спрашивается — зачем нами были вложены средства в этих участников?

И, наконец, последнее. По сути, наш Конгресс стал международным. Присутствовали представители из 15 стран. Эту тенденцию надо развивать дальше. Приглашение ведущих фольклористов со всего мира дает возможность понять, на каком уровне находится наша наука, в чем мы сильны, где слабы. Приглашать желательно русскоязычных специалистов, исследования которых так или иначе связаны с осмыслением российской традиционной культуры. А таких, как показал Второй конгресс, оказывается, много. Они, приезжая к нам в гости, должны помогать наводить порядок в нашем научном и практическом хозяйстве.

До встречи на Третьем конгрессе!

Интервью подготовлено
Н. Е. КОТЕЛЬНИКОВОЙ,
записано 2 апреля 2010 г.